

19.01.017).

Брюсов В.Я. Поэма Асвагоши в переводе К. Бальмонта // Lib.Ru [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1913_asvagosha.shtml (дата обращения: 19.01.2017).

Жакова Н.К. К.Д. Бальмонт. «Душа Чехии в слове и в деле» // Lib.Ru [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/text_0510.shtml (дата обращения: 19.01.2017).

Из мировой поэзии / сост. К.Д. Бальмонт. – Берлин : Слово, 1921. – 214 с.

Любимов Н.М. О переводах К. Бальмонта // Literary.RU [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.literary.ru/literary.ru/print.php?subaction=showfull&id=1204026120&archive=1206184915&start_from=&ucat=& (дата обращения: 19.01.2017).

По Э. Лирика. – Минск, 1999 // Lib.Ru [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://homenet.logic-bratsk.ru/site/library/poeziya/po/po_lir.html (дата обращения: 23.02.2017).

По Э. Полное собрание поэм и стихотворений // Lib.Ru [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1924_polnoe_sobranie_poem_i_stihotvoreniy.shtml (дата обращения: 23.02.2017).

Чуковский К.И. Русская Whitmaniana // [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/critica_new.php?id=76 (дата обращения: 19.01.2017).

BALMONT'S TRANSLATIONS: IDEOLOGY AND AESTHETICS

The paper deals with specific features of K.D. Balmont's literary translations. First of all, Balmont was a poet, the most important for him was to retain the texts' artistry. In addition, translations of some foreign authors' poems are compared with Balmont's poems. Some images in his texts are proved to have been taken from the poems he translated.

Keywords: translation of foreign literature; K.D. Balmont; criticism.

УДК 821.124.2

ТИПОЛОГИЯ ВСТАВНЫХ НОВЕЛЛ В РОМАНЕ М. СЕРВАНТЕСА «ДОН КИХОТ»

А.А. Галлямов

*Научный руководитель: Г.Г. Ишимбаева,
доктор филологических наук, профессор (БашГУ)*

В статье рассматриваются три группы вставных новелл романа Сервантеса «Дон Кихот» и доказывается, что они играют важную роль в развитии сюжета и в раскрытии авторской позиции.

Ключевые слова: Сервантес; «Дон Кихот»; вставные новеллы.

Вставные новеллы занимают важное место в романе Сервантеса «Дон Кихот». Ибо «в наш век, нуждающийся в веселых развлечениях, мы наслаждаемся не только прелестью правдивой его истории, но и вкрапленными в нее повестями и эпизодами, в большинстве своем не менее занятыми, замысловатыми и правдоподобными, чем самая

история...» [Сервантес 1961, т. 1: 309]. Каждая «история» занимает особое место и имеет собственную функцию. В данной статье мы рассмотрим типологию входящих в роман Сервантеса новелл. Для достижения поставленной цели имеет смысл условно разделить все вставные новеллы на концептуальные, имеющие важное значение для раскрытия мировоззрения автора и его героя; функциональные, выполняющие роль связки в сюжете; и хронотопические новеллы, сочетающие в себе как внутренний романский, так и внешний реальный хронотоп.

Концептуальные новеллы служат источником представлений о мировоззрении героя и автора. К ним относятся рассказ о Хризостоме и Марселе, а также «Повесть о безрассудно-любопытном».

Первая вставная новелла – рассказ о Хризостоме и Марселе – является логическим продолжением монолога Дон Кихота о Золотом веке. Покойный студент Хризостом выступает в качестве «героя-обличителя», обвиняющего Марселу в безответности и измене, его обличительная поэма «Песнь отчаяния» состоит из одних упреков: «Жестокая ...сколь велика твоей гордыни сила ...когда измена несомненна...» [Сервантес 1961, т. 1: 150–153] и т.п. Марсела вынуждена защищаться: «Я пришла оправдаться... <...> Вы изъявляете желание и даже требуете, чтобы и я в благодарность за вашу любовь вас любила... <...> Можно ли от меня требовать, чтобы я насильно отдала свое сердце единственно потому, что вы клянетесь мне в любви?» [Сервантес 1961, т. 1: 154–155]. Она сравнивает себя с «далеким пламенем» и «мечом, сверкающем вдали» [Сервантес 1961, т. 1: 155], говоря, что родилась свободной и «избрала безлюдье долин» [Сервантес 1961, т. 1: 155], но ничего никому не обещала: «Пусть ропщет обманутый, пусть сокрушается тот, кого завлекли надеждою, путь уповает тот, кого я призову, пусть гордится тот, кого я до себя допущу, но пусть не называет меня бесчеловечной убийцею тот, кого я не завлекала, не обманывала, не призывала и не допускала до себя» [Сервантес 1961, т. 1: 156].

Речь Марселы, произнесенная с вершины холма на похоронах Хризостома и отстаивающая принцип свободы и ненасилия над собой («Недробимо истинное чувство... <...> Нельзя любить по принуждению» [Сервантес 1961, т. 1: 154–155]), гармонично дополняет монолог Дон Кихота. «Девушки ...всюду ходили об руку с невинностью, без всякого присмотра и надзора, не боясь, что чья-нибудь распущенность, сладострастием распалая, их оскорбит...» [Сервантес 1961, т. 1: 129], – говорит Дон Кихот в своей знаменитой речи. «Хризостома погубили его безумная страсть и пылкий нрав, при чем же тут скромное мое поведение и целомудрие? Я берегу свою честь в обществе дерев, – почему же те, кто хочет, чтобы я общалась с людьми, хотят у меня ее похитить?» [Сервантес 1961, т. 1: 156], – вторит ему Марсела. И хотя Хризостома жаль, но

возразить ей нечего.

Таким образом, данная новелла играет очень важную роль в раскрытии мироощущения как самого героя-рыцаря, так и автора – настоящего ценителя свободы. Недопустимость насилия над природой и ближним, изложенная в речи о Золотом веке, дополняется идеей о недопустимости насилия над самим собой, без чего невозможен Золотой век – такой дорогой для Дон Кихота.

«Повесть о безрассудно-любопытном» интересна, в первую очередь, трагически завершившимся мотивом испытания верности. И дополняется она рассказом козопаса о Леандре и Висенте, в котором страсть также сыграла свою роковую роль.

В образах Ансельмо, Камиллы, Лотарио, Леандры, Висенте дается логическое завершение возрожденческой идеи реабилитации плоти. Мотив, получивший развитие в творчестве Боккаччо, Чосера и других ранних представителей Возрождения, нашел завершение в трагедии героев этих историй. Сила плоти и плотского желания оказалась неподвластна даже просвещенному человеку гуманистической эпохи. Не случайно действие «безрассудно-любопытного» перенесено Сервантесом во Флоренцию, столицу Ренессанса. «Повесть мне нравится, – сказал священник, – только я не верю, что это правда, а если это придумано, то придумано неудачно, – в самом деле, трудно себе представить, чтобы существовал на свете такой глупый муж, как Ансельмо...» [Сервантес 1961, т. 1: 412]. А ведь мотив испытания, и куда более суровый, присутствовал и у Боккаччо (десятый день, десятая новелла), и у Чосера (Рассказ студента).

Несмотря на то что между рассказом о Хризостоме и Марселе и «Повестью о безрассудно-любопытном» много внешних различий, они выполняют одну и ту же задачу. Входящая в сюжетную линию история Хризостома и Марселы показывает нам мировоззрение главного героя – Дон Кихота. В свою очередь, «Повесть о безрассудно-любопытном» выражает кризис гуманистического мировоззрения, переживаемый самим Мигелем де Сервантесом, и авторское мировоззрение.

К функциональным новеллам, на наш взгляд, относятся только те новеллы, задача которых заключается исключительно в развитии и приукрашивании романного сюжета. К ним, в первую очередь, относятся рассказы Карденьо и Доротеи, которые знакомят читателя с новыми героями и подготавливают момент встречи и узнавания на постоялом дворе.

Карденьо представляет персонажей, появляющихся в дальнейшем повествовании (Фернандо, Лусинду и Доротею, в его рассказе безымянную). Именуемый при первой встрече то Оборванцем Жалкого Образа, то Рыцарем Гор, то Рыцарем Леса, Карденьо поначалу как бы

сопоставляется с Дон Кихотом, являясь его собратом по безумию, что имеет некоторый комический эффект: «Карденьо смотрел на него весьма внимательно; он уже находился в состоянии умоисступления и не способен был продолжать рассказ, точно так же как Дон Кихот – слушать, ибо то, что он услышал о королеве Мадасиме, возмутило его» [Сервантес 1961, т. 1: 263].

Рассказ Доротеи дополняет рассказ Карденьо новыми фактами и излечивает Карденьо от «умоисступлений», а также подготавливает почву для счастливого разрешения сложившегося любовного четырехугольника. Кроме того, персонаж Доротеи, принявшей обличье принцессы Микомиконы, сыграет важную роль в возвращении Дон Кихота домой.

Еще одной интересной новеллой, которую мы относим к функциональным, является рассказ крестьянина о ревущих по-ослиному рехидорах. Комическая по содержанию, она также выполняет роль связи между приключением в пещере Монтесиноса, приключением с раешником и приключением с заколдованною ладьею.

Функциональные новеллы неразрывно связаны с сюжетом романа, предваряя либо появление новых героев, как в случае с Карденьо и Доротеей, либо дальнейшие события, как с рассказом о ревущих рехидорах.

К хронотопическим новеллам, на наш взгляд, относятся рассказ пленника и рассказ мавританки, описывающий сложившуюся в Испании практику изгнания морисков.

История, рассказанная пленником, во многом автобиографична. Капитан Вьедма, как и сам Сервантес, избрал военную службу. Его рассказ описывает множество исторических событий того времени: «...прослышал, что великий герцог Альба отправляется во Фландрию. Я ...присоединился к нему, проделал с ним весь поход, присутствовал при казни графов Эгмонта и Горна...» [Сервантес 1961, т. 1: 441–442], и далее «я участвовал в удачнейшем этом походе..., когда наконец рассеялось заблуждение..., что турки на море непобедимы...» [Сервантес 1961, т. 1: 441–442]. Сервантес также принял участие в этой битве 1571 года, где был ранен.

Более того, в дальнейшем повествовании, рассказывая о своем пленении в Алжире у Гасан Аги, де Вьедма говорит: «Каждый день он кого-нибудь вешал, другого сажал на кол, третьему отрезал уши, – и все по самому ничтожному поводу, а то и вовсе без всякого повода, так что сами турки понимали, что это жестокость ради жестокости и что он человеконенавистник по своей природе. Единственно, с кем он хорошо обходился, это с одним испанским солдатом, неким Сааведра, – тот проделывал такие вещи, что турки долго его не забудут, и все для того, чтобы вырваться на свободу... <...> И если б мне позволило время, я бы

вам кое-что рассказал о подвигах этого солдата, и рассказ о них показался бы вам гораздо более занимательным и удивления достойным, нежели моя история» [Сервантес 1961, т. 1: 451]. Здесь мы видим интересное переплетение авторского вымысла с реальными событиями, пленник находится как бы за границами романа и в то же время остается его героем. «Некий Сааведра» – сам Сервантес, пишущий о себе в третьем лице, и действительно, его история и «занимательна и удивления достойна».

Вторая хронотопическая новелла – о Рикоте-мориске и его дочери Ане Фелис – начинается со встречи Санчо и Рикоте, произошедшей, когда Санчо «еще не так далеко отъехал от острова, недавно находившегося у него в подчинении» [Сервантес 1961, т. 2: 439]. Рикоте – крещеный мавр-лавочник, подвергшийся изгнанию. «Тебе хорошо известно, сосед и друг мой Санчо Панса, как устрасил и ужаснул всех соплеменников моих тот указ, который его величество повелел издать против нас и обнародовать...» [Сервантес 1961, т. 2: 441]. Имеется в виду указ от 22 сентября 1609 года, предписывающий всем маврам покинуть пределы Испании. Ввиду этого указа Рикоте «рассудил..., что мне надобно одному, без семьи, уйти из села и выбрать место, куда бы можно было со всеми удобствами и не так поспешно, как другие, перевезти родных» [Сервантес 1961, т. 2: 442]. Все это привело к тому, что семью увез в Берберию его шурином Хуан Тьопейо.

Продолжение истории разворачивается в Барселоне после захвата алжирской бригантин. Юноша-арраис бригантин оказался переодетой женщиной-христианкой, она начинает свой рассказ словами: «Я происхожу из того племени, которое скорее заслуживает название несчастного, нежели благоразумного, и племени, ныне ввергнутого в пучину зол: я хочу сказать, что родители мои – мориски» [Сервантес 1961, т. 2: 525]. Далее она говорит: «Я христианка ...не ложная и не притворная, но истинная и правоверная» [Сервантес 1961, т. 2: 525]. «Мавританка» описывает свои злоключения в Алжире и любовь с доном Грегорью и заканчивает свою историю мольбой: «Об одном я прошу вас: дайте мне умереть по-христиански, – я уже вам говорила, что не несу вины за то, в чем повинен народ мой» [Сервантес 1961, т. 2: 528]. Конечно же, тронутые рассказом слушатели ее отпускают, все завершается сценой узнавания: старик Рикоте нашел свою дочь.

Данная новелла, так же как и рассказ пленника, совмещает в себе и романский и реальный хронотопы. Изгнание морисков происходило с 1609 по 1614 годы как следствие Альпухарского восстания. Более того, словами своих героев Сервантес выражает собственное неприятие этой пагубной для Испании политики: «Многим хотелось спрятать ее..., да только боялись нарушить королевский указ» [Сервантес 1961, т. 2: 445].

И рассказ пленника, и «приключение с прекрасною мавританкою» [Сервантес 1961, т. 2: 520] совмещают в себе два хронотопа, являясь одновременно и частью романа, и частью современной Сервантесу реальности. Совмещение художественного вымысла с событиями, происходящими в реальности, отличает хронотопические новеллы.

Таким образом, вставные новеллы являются неотъемлемой частью романа Сервантеса «Дон Кихот», играя важную роль как в развитии сюжета, так и в раскрытии авторского отношения к вечным человеческим вопросам и современной испанской реальности.

Список литературы

Сервантес де Сааведра М. Дон Кихот. Т. 1 // Сервантес де Сааведра М. Собр. соч. : в 5 т. – Т. I. – М. : Правда, 1961. – 600 с.

Сервантес де Сааведра М. Дон Кихот. Т. 2 // Сервантес де Сааведра М. Собр. соч. : в 5 т. – Т. II. – М. : Правда, 1961. – 624 с.

THE TYPOLOGY OF INSERT STORIES IN M. CERVANTES' "DON QUIXOTE"

Three groups of insert stories in Cervantes' "Don Quixote" are analyzed in the paper. They are shown to play an important role in the plot development and in the expression of the author's attitude.

Keywords: Cervantes; "Don Quixote"; insert stories.

УДК 821.161.1.09"18"+004.92

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В МАНГЕ И АНИМЕ «ТЕТРАДЬ СМЕРТИ»

А.В. Масагутова

*Научный руководитель: С.С. Шаулов,
кандидат филологических наук, доцент (БашГУ)*

В статье рассматривается влияние романа Достоевского «Преступление и наказание» на мангу и аниме «Тетрадь Смерти». Выявляются их идейные и сюжетные сходства.

Ключевые слова: аниме; манга; «Тетрадь смерти»; Ф.М. Достоевский; «Преступление и наказание».

Манга и аниме «Тетрадь Смерти» «Death note/Desu noto» являются одними из самых известных в своем роде по всему миру. Несмотря на то что «Тетрадь Смерти» является, безусловно, продуктом массовой культуры, ее исследование представляется интересным из-за множества культурных отсылок – от Библии до картин Ренессанса. Валери Кулс, один из немногих исследователей, посвятивших статью изучению манги и, в частности, «Тетради смерти», говорит, например, о «макиавеллизме и мегаломании», характеризуя главного героя Ягами Лайта [Cools 2011: 67], то есть вписывает мангу в некий культурный контекст. Но никто из